

Их примирение?

Цзи Юань вернулся в самое теплое место своего сердца. Здесь он и Ци Синь прожили семь лет — самые счастливые годы за всю его недолгую семнадцатилетнюю жизнь.

Дом остался прежним, но за десять лет всё изменилось до неузнаваемости. Цзи Юань пытался восстановить обстановку по крупицам памяти, но как бы он ни старался, в этих стенах больше не осталось ни запаха, ни тепла Ци Синь.

— Сяо Юань, Сюань-эр... — он тысячу раз представлял, как Цзи Бэй называет его детским прозвищем, но никогда не думал, что это случится при таких обстоятельствах.

Три месяца назад его единокровный брат Цзи Сюань изнасиловал девушку. Цзи Бэй разыскал его и потребовал взять вину на себя, пообещав два миллиона в качестве компенсации. Тогда Цзи Юаня это одновременно разозлило и рассмешило.

Разозлило то, что родной отец хочет заставить его, всеми презираемого бастарда, отвечать за преступление своего драгоценного сыночка. И не за что-нибудь, а за изнасилование. А рассмешило то, что в придачу к двум миллионам отец позволил ему выдвинуть одно любое разумное и законное требование.

— Цзи Бэй, я и представить не мог, что услышу от тебя свое детское имя именно в такой ситуации. Ты и вправду любящий отец, — в голосе Цзи Юаня сквозила нескрываемая насмешка. — Ну, а если я откажусь, что тогда?

— Сяо Юань, если согласишься, получишь два миллиона и выполнение одного условия. Это выгодно. Если откажешься, у меня найдутся способы тебя убедить, — голос Цзи Бэя звучал холодно, без единой нотки тепла. Это не было предложением — это был приказ. — Хоть я тебя и не жалею, в твоих жилах всё же течет моя кровь, поэтому я не хочу, чтобы ты узнал мои методы на практике. Просто послушайся...

— Конечно. Моя жизнь всё равно ничего не стоит, так что повесить на меня еще одно грязное дельце — пустяк. Я ведь уже столько раз был в полиции, мне не привыкать. К тому же, это не повредит твоим деловым связям. Другое дело Цзи Сюань — законный наследник, как же ему пачкаться в таком? А раз потерпевшая не хочет идти на мировую, то я, этот бесполезный отброс, которого ты кормил десять лет, становлюсь идеальным козлом отпущения. Я правильно понял, мой дорогой папочка, великий президент корпорации Динъюань? — Цзи Юань прервал его едким смешком, хотя в глубине души его душила обида.

Ему было невыносимо горько. Эти десять лет, что бы он ни делал, как бы ни старался, его презирали, игнорировали и высмеивали. Он занимал первые места в учебе — его не замечали; получал награды за рисунки — его презирали; его сочинения печатали в сборниках — над ним смеялись. Цзи Бэй всегда обращался к нему сухо, по фамилии и имени. Он пытался достичь совершенства во всем, но, кроме Чжоу Циньфэнь, никто никогда не говорил ему доброго слова.

А теперь от него требуют взять на себя вину Цзи Сюаня! И при этом ведут себя так, будто это в порядке вещей!

— Сяо Юань, ты должен понимать мои намерения... — Цзи Бэй услышал, как дрогнул его голос, и смягчил тон.

— Твои намерения? Какие именно? Те, что заставляют тебя искать повод вышвырнуть меня вон? Сейчас представился идеальный случай, и ты решил им воспользоваться? — Цзи Юань глубоко вдохнул, сдерживая слезы, и произнес нарочито равнодушно.

— Сяо Юань, ты веришь, что у меня были на то причины? — Цзи Бэй тяжело вздохнул.

— Причины? — Цзи Юань холодно усмехнулся. — Ты имеешь в виду тайные обстоятельства? Неужели твое тайное обстоятельство — это я, этот ублюдок, которого ты избегаешь, как чумы, боясь, что от меня исходит дурная аура? — за десять лет их манера общения превратилась в бесконечную войну, где каждый удар наносит урон обоим.

— Веришь или нет, но мое игнорирование тебя — это лучшая защита, — Цзи Бэй подошел к дивану, присел, поднял голову Цзи Юаня, заставляя смотреть себе в глаза, и проникновенно продолжил: — Ты знаешь, я зять семьи Цзян. Цзян Чэнфэн и так был мной недоволен, и только когда я наконец закрепился в Динъюань, твоя мать привела тебя ко мне...

Заметив покрасневшие глаза сына и слезы, готовые сорваться с ресниц, Цзи Бэй погладил его по голове и с глубоким сожалением добавил:

— Твоя мать была единственной женщиной, которую я по-настоящему любил. Как я мог тебя ненавидеть? Я просто... не мог... позволить себе тебя любить. Я знаю, что ты во всем лучше Цзи Сюаня. Я знаю, почему ты стал получать нули, почему бросил рисовать и музыку — ты просто перестал ждать от меня чего-либо.

Цзи Юань почувствовал, как к горлу подступил ком, и две слезы скатились по щекам.

За эти годы он привык контролировать эмоции, но этот человек постоянно выводил его из равновесия. Он не знал, что это — остатки детских надежд или жгучая ненависть. Но когда этот человек, никогда не даривший ему тепла, вскрыл его тайну, Цзи Юань на мгновение опешил. В следующую секунду он заметил, как дернулся уголок рта отца, и всё понял: это был спектакль.

Это же Цзи Бэй! О чем ты думаешь, Цзи Юань?!

Он шмыгнул носом, откашлялся, холодно рассмеялся, сбросил руку отца со своего лица, резко встал и, возвышаясь над ним, медленно наклонился вперед.

— Цзи Бэй, мне интересно, есть ли в твоём сердце хоть что-то, кроме денег? — он прошептал ему на ухо: — Любил ли ты мою мать — ты сам прекрасно знаешь. На моих глазах ты не любил ни её, ни Цзян Линь, ни Цзи Сюаня. Ты любил и любишь только себя. Ты утвердишь, что мама была твоей великой любовью, но она, такая гордая, предпочла нести на себе клеймо любовницы и бесстыдной лисицы, лишь бы родить меня. Знаешь почему? Ты не знаешь, милый.

Цзи Бэй смотрел на его лицо, прекрасное, как с картинки, и впервые почувствовал отчуждение. Раньше они обменивались лишь ядовитыми взглядами, но такой жестокости в глазах сына он не видел никогда.

Ощущение, когда ложь разоблачают прямо в лицо, было невыносимым, особенно когда это делали таким вкрадчивым, почти интимным шепотом. Лицо Цзи Бэя побелело, он вцепился в горло сына, прижимая его к спинке дивана, и прорычал:

— Не наглей.

Глядя на вышедшего из себя отца, Цзи Юань поправил волосы. Он не сопротивлялся, а просто смотрел на него, растянув губы в странной улыбке, похожей на распускающийся цветок смерти. Цзи Бэй в испуге разжал руки.

За десять лет его столько раз душили самыми разными способами, что он научился дышать даже в таком положении. Но в этот раз он почувствовал настоящую жажду убийства. На секунду ему показалось, что он действительно умирает, и он даже ощутил странное облегчение.

Цзи Бэй скрестил руки на груди, пытаясь унять клокотавшую в нём ярость. Долгое время в темном кабинете никто не проронил ни слова.

— Цзи Бэй, — наконец, охрипшим голосом прервал молчание Цзи Юань, — давай... я имею в виду, давай примиримся.

— Сяо Юань... — Цзи Бэй попытался его перебить.

Но тот, словно не слыша, продолжал, рассказывая историю:

— Мы впервые встретились, когда мне было семь. Мама умирала от рака, и она отдала меня своему единственному любимому человеку — тебе. Увидев тебя, я сразу понял: вот мой папа. Ты был точь-в-точь как на маминых фотографиях, только старше и жестче. Но почему ты меня не полюбил?

Цзи Юань лег на диван, прикрыв глаза рукой, будто защищаясь от света, пробивающегося из коридора, или скрывая слезы.

— Я думал тогда: я ведь только приехал, ничего не успел сделать, даже папой тебя не назвал, так почему в твоих глазах столько ненависти? Почему... — голос его затихал, но дрожь скрыть не удавалось.

Эмоции можно контролировать, но слезы не лгут.

Цзи Бэй не знал, что ответить. Он понимал, что виноват перед Ци Синь и Цзи Юанем, но если бы пришлось выбирать снова, он бы опять женился на Цзян Линь — это сэкономило ему двадцать лет борьбы. Ци Синь была дочерью владельца средней фирмы, она не могла удовлетворить его амбиции. Он любил её, но ради любви не мог отказаться от власти. Он слишком хотел выбиться в люди, не желая больше быть тем, кого топчут ногами.

Цзян Линь была другой. Дочь Цзян Чэнфэна, будущая хозяйка Динъюань. Брак с ней открывал ему двери в высший свет. Почему Ци Синь, зная о помолвке, всё равно решила родить ребенка, он не знал и не хотел знать. Когда она появилась на пороге дома Цзи, он был в ярости. Если бы не Чжоу Циньфэнь, заметившая поразительное сходство глаз и черт лица мальчика, он бы даже не стал делать тест на отцовство.

До сих пор он не понимал, как вести себя с этим сыном.

— Папа, давай примиримся, ладно? Возможно, это наш последний разговор, — снова нарушил тишину Цзи Юань.

— Сяо Юань, я...

— Не хочешь — как хочешь. И примирение не значит, что я тебя простил, перестал ненавидеть или обижаться, — равнодушно бросил Цзи Юань, встал, потянулся и направился к выходу. — Не нужно отвечать, главное — вторая часть фразы.

...

Едва Цзи Юань вошел в квартиру, как зазвонил телефон Цзи Сюаня, а через двадцать минут тот уже стоял у его порога.

— Старший мастер Цзи, моя лачуга не чета вашему особняку. Чему обязан таким визитом? В народе говорят, что без дела в гости не ходят, хотя... это ведь не храм, чтобы его посещать...

— Непрошенный гость, — Цзи Сюань не хотел играть в его игры.

— Верно. Обычно непрошенные гости приходят с недобрыми намерениями. Так что тебе нужно среди ночи? Если пришел попрощаться, то зря — я часто бываю в полиции, привык. А если хочешь узнать про «подставу», то можешь успокоиться. Ты же единственный наследник, Цзи Бэй сделает всё, чтобы я не смог отказаться и «добровольно» взял вину на себя. Можешь не

переживать. А что до Цзян Линь — мы с ней уже много лет придерживаемся принципа «с глаз долой — из сердца вон». Еще есть вопросы?

— Юань-Юань, на самом деле... я... — Цзи Сюань замялся. — Можно войти?

— Мой храм слишком мал для такого золотого Будды. Говори здесь, я слышу.

— Открой дверь пошире.

— Ты не видишь, что цепочка не пускает? — Цзи Юань терял терпение. — Если больше ничего нет, проваливай. Еще подумают, что ты сталкер.

Он захлопнул дверь, отрезав голос брата.

— Придурок, возомнил себя богом!

Цзи Сюань снова нажал на звонок, потом застучал.

— Цзи Юань! Выходи, ублюдок!

— Ты с ума сошел? Ночь на дворе! — крикнул сосед из-за двери.

— Не твое дело, вали обратно в свою конуру! — рявкнул на него Цзи Сюань.

— Да как ты смеешь! Я полицию вызову!

— Вызывай!

— Заткнитесь оба! — Цзи Юань, у которого разболелась голова, распахнул дверь.

— Наконец-то соизволил выйти, — фыркнул сосед, тыча в него пальцем.

Цзи Юань дернул Цзи Сюаня за рукав, приказывая молчать, и обернулся к соседке:

— Тетя, вы бы рот вытерли, а то блесните, как будто объедками питаетесь. И в зубах у вас, кажется, зелень с обеда застряла. Красивых женщин называют кокетками, а таких, как вы — истеричками. Теперь понимаете, почему у вас нет мужчины?

Женщина опешила, а когда до неё дошло, начала орать. Цзи Юань перебил её ледяным тоном:

— Подумайте хорошенько: перед вами будущий глава Динъюань. Он может превратить черное в белое, а плохое в хорошее. Вы уверены, что сможете расплатиться, если его заденете?

Женщина, испугавшись, захлопнула дверь, а Цзи Юань повернулся к брату:

— Увидел меня? Теперь проваливай.

— Юань-Юань, выслушай...

— Не хочу. Уходи. — Он захлопнул дверь.

Он знал, что гордость Цзи Сюаня не позволит тому унижаться долго.

«Я завидую тебе, у тебя было семь счастливых лет».

«Этот дом меня душит, я не вижу выхода... надеюсь, ты простишь меня».

«Юань-Юань, будь счастлив».

Опять эти сообщения. Цзи Юань бросил телефон на диван и ушел в спальню.

Больше никогда не встретимся.

— Алло, помощник Ли, пообедал?

— Собираюсь.

— Ты должен знать, что я хочу сказать.

— Слушаю, господин, какие у вас условия? — Ли Мо уже достал ручку.

— Ли Мо, — Цзи Юань назвал его по имени, и помощника пробрало дрожью, — я — «обратная чешуя» Цзи Бэя, и акции — тоже его «обратная чешуя». Как думаешь, что будет, если столкнуть их лбами?

Ли Мо замялся:

— Господин, я лишь передаю ваши слова, решение принимает президент.

Цзи Юань, чей внутренний демон жаждал крови, произнес нежным голосом:

— Передай ему, что мое дополнительное условие — десять процентов акций Динъюань.

— Господин, боюсь, президент...

— Не бойся, он точно не согласится. Но разве тебе не интересно, какая химическая реакция возникнет у него в голове и теле? Мне уже от одной мысли становится жарко.

Цзи Юань говорил так буднично, что Ли Мо стало не по себе. Он знал, что тот не шутит. Если бы они не говорили по телефону, Ли Мо испугался бы этого взгляда — взгляда змеи, настигающей добычу.

<http://bllate.org/book/22523/2378801>